

— Евгений Алексеевич, почти вся ваша жизнь прошла рядом с Георгием Александровичем Товстоноговым. А с чего все началось?

— Актеру нужно найти "своего" режиссера. С Товстоноговым мы вместе учились в ГИТИСе: он — на режиссерском факультете, я — на актерском, жили в одном общежитии на Трифоновке. Но знал я его тогда мало. По-настоящему познакомились уже в Тбилиси, когда я работал в ТЮЗе, а Георгий Александрович — в Театре имени Грибоедова. Мне его спектакли очень нравились. Потом мне поручили вести в ТЮЗе студию. А я уже понимал — Товстоногов с этим делом лучше справится, потому что предложил этот пост ему, сам же напросился в помощники. Начали работать — и почувствовал себя на уроках не педагогом, а учеником, понял: вот такой режиссер мне и нужен. Помню, все думал: мне бы такую голову!

— С тех пор не разлучались?

— Какое там! Товстоногов уехал в Москву руководить областным драматическим театром. Мне тоже так хотелось в Россию, домой. Вырвался с трудом — из ТЮЗа никак не отпускали. Решил "покаяться" во МХАТе, относился к этому театру с трепетным волнением, даже дверные ручки там казались связанными со Станиславским и Немировичем-Данченко. В общем, так трепетал, что меня не приняли. А мне еще очень нравился Малый. Добился, чтобы меня прослушали, и таким образом оказался дома у Варвары Николаевны Рыжовой. Проиграл с ней всю "Бедность не порок", смотрю — Варвара Николаевна в слезах. А ведь она самого Островского помнила живым! И представьте, тут же позвонила Турчиновой, направила меня к ней да еще и письмом снабдила. Короче говоря, взяли меня в Малый, но с осени. На лето я, чтобы не терять времени, устроился в Новый театр к Федору Николаевичу Каверину, начал репетировать с ним. Вдруг Товстоногову дали Театр Ленинского комсомола в Ленинграде. Он приходит и говорит: "Поедем со мной?" Я и поехал, конечно.

— Вас ведь еще и родственные отношения связывали?

— Я и не думал, что Натэла (сестра Товстоногова. — Т. И.) будет моей женой. Хотя хорошо знал всю семью: театр снимал мне комнату у них в квартире. Мне тогда было двадцать два, я женат был. А Натэле — двенадцать, я ее и не замечал. Но время шло, я развелся, она выросла — ну и полюбили друг друга. Не знали, что делать, ото всех скрывали. В конце концов поженились.

С женой я уже сорок пять лет прожил. Ужасно много! Мне восемьдесят почти, и думаешь иногда: да не может быть! Будто что-то я пропустил, перемахнул, не может так быстро бежать время. Когда был молодым, оно тянулось дольше, а стал стариком — летит. И за ним не поспеваешь — может, оттого, что ходить стал медленнее? У меня дома часы на неделю заводятся, так мне трудно за ними уследить: все кажется, что только вчера заводил, глядь, неделя прошла. И трудно понять, почему все, что было в молодые годы, помнишь, а середина жизни будто стерта, не так отчетлива, как настоящее и прошлое.

Знаете, у нас с Товстоноговым и в прошлом много общего было. Его отца, инженера высочайшего класса, дворянина по происхождению, расстреляли в тридцать седьмом. И моих родителей тоже — отец у меня священником был. Но извещение о смерти отца и матери я получил только сейчас, до этого жил надеждой: а вдруг... Нелепо, конечно, — отцу сейчас бы сто двадцать лет было. Как бумаги пришли, сразу отпевание в церкви заказал — все, как положено.

И вот о чем подумал. Во все годы мы жили надеждами. Но

оказывалось, что надеждам нашим всегда кто-то мешал: вредители, кулаки, враги народа. И мы в это верили. Как можно так обмануть людей?

— Арест родителей вашей веры не поколебал?

— Я же вместе со всеми жил, надеялся. Никто не знал, как мне было трудно. Я должен был скрывать свое социальное происхождение, потому что "лишенцам" не разрешалось учиться. С двенадцати лет начал работать. Когда у бабушки с дедушкой жил, научился стряпать, тесто делать. Семья большая была, надо было помогать. Это сейчас кажется, что раньше жизнь хорошая была. А на самом деле очень трудно приходилось. Я и газетами торговал, и грузчиком был, арматурщиком, ра-

ем призванием. Мне это близко. Сам, когда попал в театр, понял: только это мне нужно в жизни.

— Говорят, у Товстоногова характер был властный, крутой. Вам приходилось с ним трудно?

— Знаете, бывает власть от бессилия, неумения, незнания, а бывает — от знания и понимания того, что именно нужно делать. Товстоногов всегда занимался своим прямым делом. Он был человеком высочайшей интеллигентности, культуры, знаний, породы.

Конечно, без споров не обходилось, хоть конфликтов "до драки" и не было. Ушел же я с репетиций "Смерти Тарелкина", потому что был не согласен с трактовкой произве-

рок три года, он кинорежиссер, талантливый человек. Но сделал лишь три картины. И я не могу ничем помочь, не могу кричать на всех улах, что мой сын талантлив. Могу только переживать за него, совсем как Бессеменов.

— Вы всегда роли соотносите с жизнью?

— Я исповедую это. Мейерхольд, по-моему, сказал: "Запишите, какие книги надо читать. Первая — жизнь. Вторая — жизнь. Третья — жизнь. Вот откуда нужно брать все". И он прав. Я ко всем ролям, неважно, лучше они или хуже, удачные или неудачные, приспособления, выразительные средства нахожу в жизни. Сейчас вот репетируем "Село Степанчиково" Достоевского. Ставит спектакль Сандро Тов-

— Почти вся ваша жизнь прошла на сцене БДТ. А недавно вы приехали в Москву вместе с Малым драматическим театром. Почему оказались там?

— Потому что для меня Лев Додин сейчас — режиссер номер один. И я понимаю его как художника. Помню, пришел на репетицию "Вишневого сада" — и не мог оторваться от происходящего. В нашем театре тоже идет "Вишневый сад", и я тоже играю там Фирса, но, признаться, многого в спектакле не понимаю. А у Додина мне все ясно, и у него — совершенно другой Фирс.

Впервые меня пригласили в Малый драматический на роль Кэббота в спектакле "Любовь под вязами". Согласился, потому что знал — у се-

торой, мне кажется, у него не было. А ведь на репетициях, когда не все получалось, вставал вопрос о его замене, и именно Товстоногов сказал на это — "нет!". А какой была Дороница в "Варварах", "Горе от ума", "Поднятой целине", "Дионе" — спектакле, который так и не вышел...

— Верите, что БДТ воскреснет?

— Только когда появится режиссер, о котором я уже говорил. Потому что режиссеры приглашенные — как врачи по вызову. Приехал, полечил насморк, потом нужно к другому обращаться: снова заболел. А постоянный врач досконально тебя знает, следит за твоим здоровьем. И ты ему веришь. Так вот, нашему театру нужен "врач", который "лечил" бы весь коллектив — и до конца. А это процесс сложный, трудный, длительный.

— Сейчас не только в вашем театре — во всей стране переломный момент. Как думаете, куда все "переломится"?

— Уж очень мы все торопимся. Вот был Гайдар, у него — своя программа. Так давайте ее до конца доведем. Ничего подобного! Потому что есть номенклатурная прослойка, точнее, даже партия, которой преобразования невыгодны. Пускай даже к власти придут коммунисты, что они будут делать? Сразу все повернут назад так, что мы будем бесплатно лечиться и покупать хлеб по десять копеек? Да невозможно же это. На все нужно время.

Но перелом к лучшему должен произойти. Знаете, я помню нэп. И помню, как давали землю крестьянам. Я родился в Балакове, это хлебный город был, такой перевалочный пункт с четырьмя пристанями. И когда все получили землю, тот, кто работать мог и хотел, делал на ней чудо. А лодырь, лентяй говорил: "Слушай, возьми у меня участок, а осенью дашь пудовки две зерна — мне вот так хватит". И ведь все с хлебом оставались.

Сейчас что страшно? Людей отучили работать. Хорошо, не всех. У нас в театре великодушный сапожник есть. Я поинтересовался как-то: почему вы у нас работаете, вас же везде с объятиями встретят. И оказалось, что у этого человека сапожниками и дед был, и отец. Он сам пытался работать на фабрике — не выдержал. Потому что пэтэушники, гнавшие брак, зарплату получали одинаковую с ним. И человек ушел, не пожелал терпеть это унижение. Раз такие сапожники есть, не все безнадежно.

— Сами вы — великий труженик. Заработали за жизнь какие-то блага?

— Я много ролей сделал. Сейчас в Москву приехал, вышел на сцену — меня аплодисментами встретили. Это счастье! Я для этого ни на какие ухищрения не шел: беспартийный, ни в общественных делах, ни в депутаты не лез, это не мое дело. Сейчас многие артисты, режиссеры метят чуть ли не в президенты. Думаю, им не дает покоя пример Рональда Рейгана. Но Рейган был плохой артист и очень богатый человек, который своей огромной капитал не своровал, а сделал. Вот чего не понимаю.

— Зато вы можете похвастаться "капиталом" ролей...

— Это не деньги, желудок ими не набьешь. Я должен идти в магазин, покупать, а на что? Зарплата — пятьсот тысяч. Хорошо, есть пенсия и "президентская" надбавка в десять минимальных зарплат. Грешно жаловаться, многие живут значительно хуже. Только немного обидно. В Японии меня называли "национальное достояние", в Германии — "артист века", а тут... Но прожитую жизнь ни на какую другую не променяю бы. Все равно я — счастливый человек.

Беседу вел
Татьяна ИСКАНЦЕВА.
Санкт-Петербург — Москва.

Евгений ЛЕБЕДЕВ:

Куранты. — 1995. — 29 дек. — с. 10.

Удержаться бы на Земле как можно дольше

ботал в кузнице, на маслобойке, строил что-то.

— А в театр как попали?

— Учился в ФЗУ на слесаря-лекальщика. И с самодеятельностью связался. Не думал, что буду артистом, хоть мне и говорили, что жилка есть художественная и все такое. Помнил, как родственники меня в детстве в архитекторы прочили, а бабушка им: "Да он с голоду подохнет, все построено уже!" Так что уж об актерстве говорить?

И вдруг меня позвали в ТРАМ — Театр рабочей молодежи. И дали зарплату. В сто восемь рублей! Тогда это считалось много. Время-то какое? Карточная система, очереди за хлебом — и тут же торгачи, которые заманивали всех. Мы на их витрины глядели, как сейчас многие на коммерческие прилавки засматриваются. Глазами смотрим и только глазами едим, а купить карман не позволяет. Наверное, я говорю, как обыватель. Но мы все, в общем-то, обыватели, неспециалисты в деле, которое сейчас затеялось. Оказывается, строить новое государство очень трудно — только ломать легко.

Это как в театре: все знают, как нужно ставить спектакль, а хороших режиссеров нет. Ведь почему я так к Товстоногову потянулся? Он всего себя отдавал профессии. Его родители заставляли учиться в железнодорожном институте. И он поступил на первый курс Института инженеров транспорта. А потом, никого не спросив, сбежал оттуда в Москву, в ГИТИС. Потому что в нем жила убежденность в сво-

дения Сухово-Кобылина, предложенной Колкером. Но в чем была сила Товстоногова? Он не навязывал своих изобразительных средств, а исходил из тех, которые существуют у актера, "выскалывал" их. И очень хорошо чувствовал время, понимал, какая именно пьеса будет сейчас действовать на зрителей. А не то что: у меня есть подходящий артист, так давай мы поставим "Гамлета"!

Я, казалось бы, ему был самый близкий человек. Но никогда не получал тех ролей, какие бы мне хотелось, даже и не заикался об этом. Единственное исключение — Бессеменов в "Мещанах". Но меня тут сама тема волновала. Я по жизни много встречался со стариками и видел: не укладывается их жизнь, не получается, возникает разрыв между детьми и родителями. И нет в этой ситуации ни отрицательных, ни положительных персонажей — есть люди. Каждый из нас беспокоится о том, что ему принадлежит. Каждый старается сделать своих детей лучше, чем он сам, облегчить им жизнь. Покупаем им игрушки, решаем за них задачи, гулять водим, а отказываем в одном — в самостоятельности. И в этом ничуть не отличаемся от того же Бессеменова.

— Вы говорите исходя из собственного опыта?

— Конечно. Хотя мой сын — очень умный человек. Он умнее меня, образованнее, больше читал. Меньше, может быть, знает о жизни, которую я прожил. Но я и не хочу, чтобы ему досталась подобная. У него свои проблемы. Сыну со-

стоногов, я играю Фому Опискина. И понимаю, что наше смутное время на роль обязательно наложится.

Унизительно, что мы в стране своей не ценим труд человеческий. Только говорим: "Человек — это звучит гордо". Некоторые еще и радуются: вот, мол, в сталинскую эпоху какие возвели города, каналы! Но кто их построил? Это же бесплатный труд сыльных. Как же можно мечтать вернуть то время? Если бы я в него и вернулся, то лишь затем, чтобы убедиться, правильно я сегодня рассуждаю или нет. Хотя и тем, что происходит сегодня, не восхищаюсь. "Назад к капитализму!" — лозунг, по-моему, такой же глупый, как и "Назад к коммунизму!". Не могу спокойно об этом говорить. Тут столько вопросов, столько тем. Каждую потянуть — и целая история.

Вчера с женой фотографии разбрасывали. Среди них обнаружил очень много записей. В них о моем отношении к тому, что видел в жизни. Начал перечитывать и подумал: Господи, зачем же я это записывал, надо продолжать! Ведь много чего в голову приходит. Скажем, я — волжанин, очень люблю Волгу, вырос на ней. Помню, как в детстве мы воду пили из нее. А сейчас Волги нет — одни "моря", которые затопили огромные луга, леса, города. И все без пользы: рыба дохнет, вода цветет. Получается, что человек, который — царь природы, эту самую природу своими руками губит. Без царя в голове мы, что ли?

бываю в театре этого играть не буду. Жалко, со здоровьем стало неважно, операция была — и до сих пор чувствую себя виноватым за то, что Додину приходилось меня шадить: роль Кэббота требовала огромного эмоционального напряжения. Тут ведь речь — о непомерном человеческом одиночестве, какое разве что пророкам знакомо. И, знаете, я понял, что Додин для меня — опять новый педагог. Я у него учусь.

— Говорят, старость — это когда ничто не волнует, ничего не хочется. Если так, то вы — очень молодой человек?

— Желания-то есть, а вот возможности... Сам иногда задумываюсь, почему одни люди дольше живут, чем другие. Может, они сами себя раньше срока "умерщвляют"? Или это не от нас зависит? Ведь вот дерево — выросло весной и все распустилось. Но почему-то некоторые листья раньше отрываются, а некоторые и в мороз еще держатся. По мне, Земля — то же дерево, а мы на ней — листья. И важно удержаться на "стволе" как можно дольше. А для этого нужно знать, какими чувствами себя заряжать. Если я буду влюбляться в жизнь, постоянно открывать для себя новое, да что там — просто влюбляться! — глядишь, и продержусь подольше.

— Вернемся к театру. Как Большой драматический существует без Товстоногова?

— Мне кажется, плохо. Но так происходит в каждом театре после потери лидера. Не стало Станиславского, Немировича-Данченко — не стало и "того" МХАТа. Другое дело, на этом месте может — и должен! — родиться новый театр. Но такое бывает редко. Наш БДТ другим театром не стал. Но он формируется. Все зависит от того, найдется ли режиссер, который своей волей, творчеством может увлечь и повести за собой людей. Даже если он скажет: этих "стариков" не надо. Театр — жестокая вещь.

— БДТ славился как театр не только режиссерский, а еще и актерский. Оставшиеся в труппе звезды положения не спасают?

— Звездами их сделал Товстоногов. Тот же Лавров, когда пришел, считался слабым артистом. Стрельчик был герой-любовник, а оказалось — он характерный актер. И какой! Конечно, звезды остаются. Но они все-таки тускнеют. И потом, очень многих товстоноговских актеров уже нет в нашем театре. Нет Дорониной, Смокуновского, Юрско-го, Борисова, Луспекаева, Стрельчика, Копеляна. А это люди, которые работали непосредственно с Товстоноговым. Тот же Смокуновский был открыт им и сыграл Мышкина — роль, выше ко-